

Михаил Маклаев

Пределы

Михаил Маклаев

Пределы

<https://litres.ru/74273572>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник о трансформации — внешней и внутренней. Каждая история — о границах человеческой сути и цены, которую душа платит за право остаться собой.

Содержание

Мастер	4
Дафна	7
Он	10
Река	15
Утрата	20
Дикая	24
Passage plan	31

Михаил Маклаев

Пределы

Мастер

Мастер.

Жил на свете лучший игрок в шахматы. Люди так считали и за это называли его Мастером. Наступила пора ему умирать. Пришла Смерть к гроссмейстеру, но вместо забвения предложила сделку: раз в неделю он будет с ней играть партию в шахматы. Если Мастер выигрывает, то он продолжает жить семь дней. Если проигрывает, то умирает. При этом нельзя общаться с родными и друзьями, чтобы никто не заподозрил в гроссмейстере человека, как-то обыгравшего Смерть.

Мастер согласился.

Жизнь шахматиста изменилась. Он отстранился от всех, кого знал. Жил один, занимался своими делами, на публике не показывался. Раз в неделю к нему приходила Смерть, и они молча играли партию. Мастер всегда обыгрывал противника. Уговор исполнялся точно: шахматист жил ещё семь дней. Минимум до следующей партии.

Прошло десять партий. Сто. Тысяча. Две тысячи.

Мастер изменился. Он не разговаривал ни с кем, жил сам с собой, всех избегал, в том числе родителей и своих детей, и стал очень мало похож на известного всему миру игрока. Скорее, он был похож на бедного и одинокого старика, который не бросил свою старую привычку прилично одеваться и приятно выглядеть. Но даже так он уже больше напоминал свою тень, чем настоящего человека. Тень, полную одним лишь одиночеством.

Смерть проигрышам не удивлялась и не расстраивалась. Она знала этого человека и договор был готов у неё уже давно. Впереди у Смерти была однообразная бесконечность. Теперь эта бесконечность разбавилась интересными партиями в шахматы раз в неделю.

Мастер же стал жить только от партии к партии. Даже не жил, а просто ожидал. Неделя проходила так, будто и не было этих семи дней. Жизнь во время игры. До и после - простое существование, превратившееся в бесконечное ничто.

Прошло три тысячи партий. На три тысячи первую Смерть заговорила:

- Мастер, вся Ваша семья умерла. Родители уже давно, а последний Ваш ребёнок только вчера. Вы должны об этом знать, а я не имею права это скрывать.

Мастер медленно и задумчиво посмотрел на Смерть и спросил:

- Значит ли это, что я смогу их встретить в ином мире после этой нескончаемой жизни?

- Не знаю, Мастер. Я существую только здесь. Иные миры не для меня. Есть ли они на самом деле - мне это неизвестно. Можно ли туда попасть как-нибудь - тем более.

- Я всегда знал, что в этом мире нет ничего честнее Вас. Разрешите ли Вы мне немного прогуляться перед матчем?

- Конечно. На сыграть мы должны обязательно сегодня.

Мастер кивнул головой, спокойно встал из-за стола с шахматной доской, сунул руки в карманы своих старых брюк, развернулся и вышел. Не было его всего не более, чем полчаса. Когда он вернулся, то так же спокойно сел за доску и сказал:

- Начнём.

Партия получилась необычайно долгой. Преимущество переходило то к одной стороне, то к другой. То Мастер возвращал равновесие, то его противник. От напряжения у Смерти впервые показалось нечто вроде улыбки. Мастер был спокоен как никогда. И вот, наступили завершающие ходы. Медленные и расчётливые. Один, другой. Последний. Смерть впервые за всё время улыбнулась, избавившись от напряжения:

- Вам мат. Вы сейчас умрёте, Мастер. Вы наконец-то проиграли.

Гроссмейстер поднял спокойный взгляд на Смерть:

- Я знаю. Я сейчас умру. Но Вы не правы. Я наконец-то выиграл.

Дафна

Внутри меня растёт дерево.

Дерево возшло из семени ненависти, расцвело цветами молодости и окрепло, поддерживаемое свободой и яростью.

Мои ноги - это корни, простирающиеся в глубине на всю ойкумену.

Мои руки - это ветви, направленные к облакам и ловящие ветер.

Моя кожа - это кора, дышащая воздухом свободы.

Мои волосы - это листья, трепещущие от дыхания этого мира.

Моя кровь - это жизнь, идущая по всему телу от земли к небу.

Моё сердце - вся вселенная. Вся вселенная - это моё сердце.

Я чувствую земляного червя, ползущего у моих ног. Я радуюсь жалкой мошке, севшей на мою кожу. Я даю дом гусенице, решившей стать куколкой. Я прячу старого пастуха от знойного солнца своей тенью. Я умываюсь прохладным дождём и пью его капли своими волосами. Целую звезды своими руками.

Я знаю, что рано или поздно ненависть обретёт себя из моего тела. И бог получит то, что заслужил.

Ты, прекрасный и себялюбивый. Всемогущий и яркий.

Самонадеянный и наглый. Считающий себя лучшим из богов. Солнечный, дарующий свет этому миру. Ты, победивший великого змея, но проигравший мальчишке. Гордость твоя оказалась простой глупостью, и юный бог ясно продемонстрировал тебе это. Но ты так и не понял, что по-настоящему проиграл. Хотя и провидец ты, да поверить в собственное поражение в будущем не смог!

Ты, упивающийся своим страданием от любви. Жалкие приверженцы считают, что страдаешь именно ты и никто больше. Из-за любви, за которую тебя все жалеют. Ты этому радуешься. Они верят. Я не верю. Это лишь похоть и жажда владеть! Но даже здесь ты покрыл себя бессмертной славой, увековечил себя в легендах. Страдая, ты наслаждаешься. В этом весь ты.

Да будь ты проклят! Я взрощу то, что уничтожит тебя, что сделает тебя ничтожным и жалким. Из твоей любви я создам твою погибель. Даже если исчезну сама.

И пусть отец единственный жалеет меня. Но он оказался слаб. Слаб в страхе перед тобой, солнечный бог. В страхе, что не сможет избавить меня от тебя. В страхе потерять меня навсегда. В страхе исчезнуть самому, даже имея бессмертие и силы бога. Я прощаю отцу его глупость. Прощаю ему то, что он даровал мне вечность. Именно вечность даёт мне возможность отомстить, хоть отец этого и не понимает. Я прощаю ему любовь, вызвавшую страх. Я не жалею о том, что кричала ему, прося помощи и защиты от могущественного и

яркого бога. Хотя я и лишилась внешней свободы, хоть и существую в одном мире и месте, но внутри я всё так же сильна и независима. И ненавижу, о как же я тебя ненавижу, свет мира сего!

Ты могущественнен и глуп. Приходишь ко мне, гладишь мою кожу. Плачешь, что хочешь увидеть меня. Рыдаешь от того, что не можешь владеть мной. Жалеешь меня, считая, что я пропала в этом дереве. Оплёл волосами моими свою лиру и свой лук. Я верю, что ты сделал это только для того, чтобы все видели и помнили о твоих страданиях и любви и чтили тебя за это. Обнимая ствол, касаясь коры, ты глух. Ты не слышишь мой смех от презрения к тебе.

То, что родилось во мне, благодаря мудрому мальчику Эроту, я возвращаю в себе терпеливо и никуда не спеша. То, что погубило бы меня в другое время, сейчас дает мне безграничные силы и цель. Бесконечная ненависть к тебе.

Пусть я исчезну, когда она войдёт в мир через меня. Пусть я пропаду. Мне нужен лишь миг перед небытием, чтобы увидеть твоё падение. Мне нужно лишь мгновение перед бездной, чтобы осознать твоё уничтожение.

Будь ты проклят, Аполлон. Будь ничтожен. Я ненавижу тебя.

Я Дафна.

Внутри меня растёт дерево.

Он

ОН

Он *был*. Не *существовал* – просто *был*. Он *был* все и *был* ничто. Точка и бесконечность.

Не было ничего, кроме Него, но и он *не существовал*. Одна неизвестность, одно абсолютное знание, все это – Он. Нет сомнений, нет колебаний, нет сознания и нет движения.

Не желание, которое не могло возникнуть, а невозможность *этого* породила в Нем Искру. Искра, поиграв немного, преобразовалась в нечто новое.

Так возникло Время. Оно оказалось частью Его, и вся Его сущность мгновенно отторгла новизну из себя, отделив безвозвратно. Но Он остался во Времени, а оно – в Нем. Независимые, однако являющиеся друг другом.

Вместе со временем Он обрел *существование*, обрел *себя*, и тогда Он понял, что Он – *есть сознание*. То, что Он возник, как Он возник и почему, имело только одно объяснение – так захотел Он сам.

Потрясенный этим, Он *был* во Времени, осознавая свое *существование*, разглядывая себя, анализируя, упиваясь своим *сознанием*. Он *был*, теперь уже *существовал*, бесконечность, которая только сейчас обретала свой смысл. Он плыл сквозь Время, и все шло так, как шло.

Но возникло сомнение. Кто Он? Действительно ли существует Он? Сознание – это Его сознание, Время – Его Время. Как быть, если все – это Он?

Выход один – созидание.

Себя создать заново Он не мог – Он не знал, что Он такое. Решение далось очень нелегко и одновременно играючи просто.

Так появилась Вселенная. Необычная, абсолютно новая, обладающая бесчисленными *своими* характеристиками, Вселенная *существовала* во Времени уже без Него, полностью самостоятельно. Эта самостоятельность так восхитила Его, что вслед за первой Он тут же создал вторую Вселенную, уникальную, ничем не похожую на предыдущую, а за ней и третью. Восторг созидания охватил Его, Он творил Вселенную за вселенной, реальность за реальностью, наполнял их пространствами, ломал в них Время, заполнял пустоту.

Ограничив себя, Он обрел полную свободу. Создавая чистую энергию, играя с ней, Он преобразовывал ее во все новые формы бытия. С азартом, не желая останавливаться, он принуждал мир вокруг Него сжиматься, переливаться, скручиваться в невероятное, чтобы после воспрянуть и переродиться.

Пролетая, как миг, нигде не задерживаясь и на секунду, Он радостно творил галактики, туманности, звезды и черные дыры, собирал их вместе, разрушал и склеивал заново, круша границы, ограничивая ими все, создавая новые зако-

ны, поражавшие Его самого своей абсурдностью и логикой. Сверкали сверхновые, переливалась всеми цветами звездная пыль, чернели, покрываясь бесчисленными кратерами планеты, посылались в неизвестность странствующие кометы.

Процесс рождения всего сущего длился миллиарды и миллиарды лет прежде, чем Он остановился.

Исчезло желание.

Что произошло с ним? Почему пропало то счастье, которым Он обладал, создавая? *Зачем?*

Он бросился на поиски, не представляя, что ищет. Он преодолевал пустоту, заглядывал во все отдаленные уголки и реальности, созданные Им же. Надежда двигала Им, дразня Его и заставляя плакать, терзала Его, внося в Его *существование* невиданные доселе эмоции, рождая отчаяние и злость, страх, которым Он противился всеми силами, но которые однажды, в тот момент, когда Он понял, что все зря, переродились в бесконечное одиночество и покой.

Прошло уже несколько миллиардов лет, и все это время Он плыл в пустоте без движения, отстраняясь от всего, что могло бы Его побеспокоить. Вселенная жила, дышала, забыв о Нем, а Он игнорировал ее. Лишь Время, оставаясь по-прежнему верным Ему, обступало и, спокойно захватывая, несло Его все дальше и дальше. Покой, его мрачный спутник, да *существование*, обременяя Его, сохраняли в Нем *сознание*.

И так продолжалось бы до скончания Времен, но однажды Он почувствовал то, что заставило его встрепетнуться и броситься к одной маленькой планете не краю Вселенной.

Искра. Нет, не такая, которая явилась Ему до этого лишь один раз, совершенно иная, необъяснимо чужеродная, но такая близкая Ему. Теперь, наблюдая то, что породила Искра, Он узнал то, что искал.

- Мальчик, почему ты плачешь? Бедняжка, коленку разодрал? Ну, не плачь, не плачь... иди ко мне. Где твоя мама? Не знаешь? Господи, ну и чумазый же ты, чертенок! Милый и забавный чертенок! Дай, я тебя вытру...сейчас... вот, еще здесь, не щечке... так, я тебе слезки сейчас вытру, и ты больше не будешь плакать, договорились? Молодец! Ты же храбрый, смелый маленький мальчик, правда? Ну, иди ко мне, идти-то тебе больно сейчас, я тебя понесу... вот, так... легкий, как пушинка! Но ты вырастешь большим и здоровым. Сейчас тетя поможет тебе найти маму. Не плачь, ты же обещал, помнишь? Тебе нечего бояться, я с тобой, я никогда не оставлю тебя одного...

Женщина шла по улице огромного города, держа в одной руке сумку с продуктами, а в другой маленького мальчугана лет трех. Она без остановки шептала ему на ухо, пытаясь все время погладить его по голове рукой, занятой сумкой, что все будет хорошо, что он не должен плакать, но мальчик, крепко обняв шею женщины маленькими ручками, уткнув-

шись в плечо, продолжал рыдать.

Мальчик плакал, но он уже по-настоящему верил, что все будет хорошо. Две дорожки слез, сбегая по перепачканному лицу, пересекая округлые щечки, доходили до тонких детских губ, и становилось понятно, что он слезы текут из карих глаз уже непроизвольно.

Он улыбался.

Река

Река.

Небо чернело над широкой и медленной рекой. Берега Реки покрывали зелёные луга. По краям этой долины стояли высокие крутые горы. Не было видно ни конца, ни края Реки. Она тянулась из одной бесконечности в другую.

Недалеко от берега Реки, на зелёной невысокой траве виднелись две фигуры. Одна была высокой, с широкими плечами, но при этом очень худой. Фигура гордо стояла, держа голову с белоснежными длинными волосами и такой же белоснежной бородой прямо. Старик. Правую руку он положил на плечо второй фигуры, которая была девушкой, сидящей прямо на траве. Она обхватила голову руками и беззвучно тряслась, явно рыдая.

Глубокий бархатный баритон старика произнёс:

- Здравствуй, Незнакомка. Знаешь ли ты, где сейчас находишься?

Девушка рыдала ещё некоторое время, дёргая себя за волосы руками. Но, в конце концов, стала успокаиваться. Старик подождал ещё чуть-чуть и снова спросил:

- Знаешь ли ты, Незнакомка, где ты? А, главное, как ты здесь оказалась?

Красивые, заплаканные и острые глаза посмотрели снизу

на спокойного старика:

- Ты - Встречающий. А это, значит, Река?

- Всё верно. Что с тобой случилось, дитя?

Девушка немного вздрогнула, но тут же сжала руки в кулачки и негромко сказала:

- Я сгорела в пожаре.

Старик плавно кивнул и внимательно посмотрел ей в глаза. Девушка взгляд не отвела и ответила уже тише и жёстче:

- В этом же пожаре, и намного раньше меня, сгинули два моих маленьких ребёнка. Скажи, старик: если всё происходит по Его воле, то и это произошло потому, что Он так захотел? - она вдруг резко опустила голову вниз и снова громко зарыдала, хватаясь руками за голову и раскачиваясь.

Встречающий грустно отвёл от неё взгляд, посмотрел на Реку:

- Незнакомка, тебе нужен отдых. Тебе нужны силы, так как путь твой только начинается. Отдыхай, сколько тебе надо. Я побуду здесь рядом с тобой.

Старик остался стоять рядом с ней. Девушка рыдала ещё долгое время. Плачь её разносился над всей зелёной долиной и медленной, бесстрастной Рекой. Со временем плачь стал спадать, пока совсем не снизошёл на нет. Девушка подняла голову, раздвинула выующиеся тёмные волосы от глаз и осмотрелась по сторонам. Посидев немного, она неожиданно улеглась на траву на спину, подложила руки под голову и стала молча смотреть в тёмное небо покрасневшими гла-

зами.

Спустя время старик заговорил, всё так же смотря на Реку:
- Совершенно не важно, что ты знаешь. Важно верить, что Река примет решение. Совершенно не нужно бороться с её течением. Плыви вместе с ним. Она знает, куда тебя надо вынести. Каким бы долгим тебе ни казалось странствие, но ты должна верить в конечную точку своего путешествия, иначе оно будет ещё дольше. Ты останешься Незнакомкой, пока Река не решит, что ты готова. Готова ты будешь тогда, когда будешь согласна с Рекой.

Девушка вздрогнула, посмотрела на старика и резко поднялась на ноги. Прижалась почти вплотную к нему и сказала:

- Смирения моего хотите?

- Я ничего не хочу, дитя. - спокойно ответил старик. - Я хочу тебе только добра.

- Но это Он тебя создал и поставил здесь Встречающим! Ты служишь Ему!

- Верно, создал. Верно, поставил здесь Встречающим. Но служу сейчас я только тебе, пойми.

Старик пожал плечами:

- Он всё создал. И Реку Он создал. Для суда. Но судит Река сама. На Него не оглядываясь. Кто-то плывёт пять минут, кто-то год, а кто-то тысячелетия. Что за это время происходит? Я не знаю. Но Река - она точно знает. Знает всё и обо всех. Знает о тебе больше, чем ты сама. Но чтобы выбраться из неё, Река должна увидеть, что ты готова. Готова к встрече

с Ним. Я абсолютно не знаю, что такое есть эта Река. Если честно, думаю, что и Он до конца не понял, что создал. Значит, так было надо.

Девушка прижалась к старику ещё ближе, мелко затряслась и с яростью громко зашептала ему на ухо:

- Что же, говоришь, что Он знал, что так будет? Значит, Он и сделал? Но зачем? Они же... Они же... Ведь маленькие, добрые такие всегда, всех любили...

Незнакомка сорвалась и снова села на землю, зарывав во весь голос:

- Но как? За что? Почему?

Встречающий вновь положил ей руку на плечо и стал молча ждать. Девушка рыдала, плакала, стонала, но чем дальше, тем спокойнее становилась. Вот она громко дышит в землю из своей опущенной головы, вот поднимает голову, вот её дыхание успокаивается. Вот она сидит с ясными, широко открытыми глазами, смотрит вдаль и ровно дышит. Руки уже не трясутся, глаза уже не красные. Слезы давно высохли.

Незнакомка снова встала к старику. Тот посмотрел на неё и обнял за плечи:

- Ты уже знаешь, что спросишь у него? Ты уже знаешь, что у Него попросишь?

Девушка остановила старика холодным голосом:

- Если Он где-то там и есть, то единственное, что Он способен сделать для меня - это попросить у меня прощения. Попробовать попросить. Но я не прощу. Я вырву его бес-

смертное и всемогущее сердце и выкину в эту реку.

- Но тогда мир обрушится.

- Для меня он уже рухнул.

Девушка обняла старика и пошла к Реке. Встречающий спохватился и закричал вдогонку:

- Готова ли ты к Реке, Незнакомка? Ведь это могут быть годы, сотни лет, даже тысячелетия! Всё ли ты обдумала? Приняла ли ты решение? Что ты скажешь Реке? Она сразу поймёт, если ты...

- Да.

- Что, извини?

- Да, я приняла решение.

Старик смотрел на спину девушке своими печальными глазами. Он не мог оторваться, разглядывая уверенную походку. Его поразили первые шаги в воду. Глядел на уходящую Незнакомку и шептал:

- Сил тебе, дочь. Всех сил, что есть на свете.

Утрата

Утрата.

Маленькая белокурая девочка сидит одна в гостиной на полу. Играет в куклы. На ней лёгкий белый сарафан, волосы распущены до плеч, на ногах сандалии. В доме тишина, только она тихонько напевает грустную песенку. Вдруг умолкает, откладывает куклы, встаёт. Замирает перед большим зеркалом на стене, опускает глаза. Больше ей нечего чувствовать. Спустя минуту поднимает голову и уверенно направляется к выходу. Проходит коридор, покидает квартиру, выходит из дома.

На улице солнечно и тепло. Остановившись у дороги, девочка разглядывает проезжающие машины. Затем так же спокойно ступает на проезжую часть и идёт прямо по ней к границе района. Автомобили, автобусы, грузовики останавливаются, пропуская её. Никто не сигналиит.

За городом железная дорога пересекает автомобильную. Она поднимается на насыпь и сворачивает на пути. Погода хмурится, ветер крепчает, но девочка не обращает внимания. Рельсы ведут её мимо асфальтовых дорог, сменяющихся грунтовыми, мимо кирпичных домов, уступающих место деревянным. По одной из таких дорог медленно катится телега, запряжённая лошадыо. Возница молча смотрит на неё, проезжая мимо. Девочка не оборачивается, лишь поправляя-

ет светлые волосы, лежащие на груди.

Дороги становятся всё глуше, лес смыкается, слышны только птицы. С неба начинает падать снег. Девочка морщится, смахивает снежинки с головы, но продолжает идти, изредка поправляя сарафан. Её маленькая фигурка пропадает среди бескрайней дороги и леса, лишь на снегу остаются следы сандалий. Вскоре железнодорожное полотно обрывается, насыпь превращается в просёлок с двумя колеями. Она шагает по неглубокому снегу - шаг за шагом, взмах руки за взмахом, мокрая чёлка липнет ко лбу, она смахивает её посиневшими пальцами.

Колеи сливаются в одну, почти заросшую травой тропу. На опушке появляется всадник на коне. Заметив девочку, он останавливается, молча наблюдает. Она подходит к коню, гладит его по морде. Конь только фыркает. Человек поправляет ножны меча и коротко кивает. Девочка, будто не заметив, разворачивается и продолжает путь, лишь поправляя волосы, стараясь спрятать их за поясницу.

Всадник не знает её, но чувствует: она должна быть здесь.

Девочка идёт дальше, погружённая в движение. Останавливается, сбрасывает сандалии, и идёт босиком. Снег всё глубже, вокруг высокие сугробы, дорога исчезает. Лес смыкается, деревья уходят в небо. Она вязнет по колено, а то и по пояс, но продолжает идти. На фоне леса появляются

трое в меховых куртках, с луками и колчанами на спинах. Они смотрят на босую девочку в сарафане среди сугробов, затем всматриваются вверх к кронам и уходят в чащу. Девочка движется дальше, кутаясь в свои густые волосы, укрывая ими тело и ноги.

Сил почти нет. Она сворачивает на поляну, где из гигантских костей и шкур сложено жилище. Дети, играющие у входа, замечают её и зовут взрослых. Вся семья - двенадцать человек - выходит из шатра. Они окружают её, но боятся коснуться. Усаживают у костра, с почтением подают деревянную миску с едой. Она съедает всё, благодарит кивком и ложится клубком у огня. Засыпает.

Её не трогают. Взрослые уходят, дети остаются - они долго разглядывают спящую, иногда смеются, иногда пляшут рядом, подкладывают еду, поддерживают костёр. Еда и тепло не прекращаются, когда дети вырастают, и когда их дети становятся взрослыми, и когда подрастают их внуки. В памяти людей девочка всегда была здесь, всегда спала у костра.

Но однажды она просыпается. Ест, снова кивает в благодарность и уходит в путь.

Она знала: всё это время люди не бросили её, приносили еду и берегли огонь. Она шла, как шла, не останавливаясь.

Дальше лес становится почти непроходимым - сплошные ели, мох, огромные корни. Босые ноги ступают по ним, длинные волосы волочатся сзади, цепляются за ветви. Голубые глаза смотрят только вперёд. Солнце скрывается, наступает

ночь. Здесь нет добра, нет сострадания.

Она останавливается у подножия огромной ели и смотрит на землю. Там, под мёртвым телом волчицы, бьётся живой комочек - крошечный волчонок тычется носом в мать и скулит. Девочка берёт его на ладони, прижимает к груди, ложится на землю. Волчонок затихает от её тепла.

Из её тела прорастают побеги с листьями. Волосы, раскинутые по земле, становятся травой. Берёзы, осины, тополя уходят ввысь, отодвигая ели. Травя побеждает мох. Из молодой рощи выпрыгивает волк - он озирается зелёными глазами на новый лес, на свежую траву, затем разворачивается и исчезает в старой, тёмной чаще. Бежит со всех сил в поисках добычи.

Девочка здесь. Теперь она чувствует всё.

Желания нет. Возможно, оно появится позже.

Она не знает, что будет. И принимает это.

Дикая

Дикая.

Хэй-хоп! Йохо! Скачит Забава на своей любимой лошади Заре и жизни не нарадуется. Свобода! Только ветер в распущенных волосах, только дождь по молодому упругому телу, только солнце на счастливом лице. Э-ге-гей! Посторонись, люди! Раздвинься густой лес! Раскинься бескрайнее поле!

Задание от родителей есть, да не они дали его Забаве, а сама взяла. Эх, родители, родители! И ведь знали, что просто так задание не пройдёт. Особенно отец. Прекрасно понимал, что отпускает дочь. Да такую дочь, что неизвестно ещё, чем дело закончится. Но не отпустить для него было нельзя.

А вот что это значит, задание такое: любовь найти да замуж выйти? Да чтоб по сердцу да по жизни хороша была, любовь эта. А что за штука такая, любовь? Нигде просто так не валяется, да не в каждом уголке водится. А Забаве да Заре только такое и подавай: проскачут весь белый свет и всё везде посмотрят. Пролетят, да ещё попросят. Везде побывать хочется, всех людей повидать.

- Скачи, Заря! Да быстрее ветра, да птицы быстрее! Пусть увидят и узнают, кто самый скорый на всём свете! Не останавливать нас с тобой никому!

И началась погоня за счастьем. Да ветер, да дождь, да сол-

не. И скорость. Сами себя любили тогда подружки больше всего на свете.

Но что это? Молодец мимо летит да на чёрном коне. Да так несётся, что не видно его почти. Ясно, что добрый, но ведь он бросил вызов им! Не может он им показывать такую скорость!

- А ну ка, подружка моя, покажи, кто мы с тобой такие! Давай догоним парня этого, нечего ему зазнаваться. Пускай знает своё место!

Бросились они за молодцем. И тут путь срежут, и там со всех ног мчится Заря. Ветер, пыль, ветки - ничто не может их остановить и затормозить. И мчатся, и мчатся изо всех сил. Но нет, не догнать его никак. Летит красавец и не видит вокруг ничего. Так и ускакал. А Забава с Зарёй остановились и посмотрели друг на друга удивлённо:

- Ведь мы же - самые быстрые на всём белом свете. Как такое может быть? Да и черт с ним, поскакали в город столичный. Там университет есть - умных людей плодит. Вот и разберёмся, куда сей ум приложить можно.

А вот и город, а вот и университет.

А вот и умный стоит, заглядывается на красоту дикую Забавы.

- Здравья тебе, умный! Что смотришь на меня, как баран на новые ворота? Людей забыл, на книги променял? Так долго учился, что состарился, ещё взрослым не став?

А что умеешь ты? Подойди поближе, не робей! Дай взгля-

нута на тебя, хоть и не привык ты к этому. Слишком умный? А руки у тебя случайно не из головы твоей огромной растут? Нет? А не из жопы? Тоже нет? Тогда ладно, а то я уж подумала... И что же делать мне с тобой? Разговаривать? Вопросы задавать? Ох, и видно же знания твои. Яркие такие, аж слепят меня. Так слепят, что не вижу больше ничего!

Тогда держи вопрос: что мне нравится в этом мире больше всего? Не знаешь. А что для меня самое противное? Тоже не знаешь! Что значит это: ты не по людям, а по законам природы?! Я должна быть твоим единственным законом природы! Меня ты должен знать от и до! Катись ка отсюда на большой голове своей!

Хэй-хоп! На-на-на! Скакать нам с тобой, Заря, надо в место, где повеселее! Тут слишком все серьёзные да грустные.

Скорость, скорость, скорость! Лети жизнь, да не останавливайся. Неси, Заря, куда глаза глядят. А лучше туда, где ярмарки да веселье. Да вот же оно: целый город из палаток на берегу реки, да корабли вдоль берега, да повозки нескончаемые на дороге к палаткам. Народу - тьма. А вот и люди весёлые, да такие, что специально веселятся да прохожих веселят.

- Хэй-хо! Привет, шутник! Веселишься? И мне предлагаешь, потому что понравилась? Ох, и люблю я это дело! Смеяться так смеяться, хохотать так хохотать! А ну ка, расскажи мне, покуда надо мной смеяться тебе можно? Не думал?

А друзьям что за шутки обо мне расскажешь? Опять не думал? Ну ка, свяжу я тебя сейчас и скину со скалы. Надолго ли смеха твоего хватит в жизни, если вдруг поломаешься, а? А случится голод или беда какая, детей своих анекдотами кормить будешь? А врага шутками застыдишь, и он, покраснев, домой ускачет?

Говоришь, не скучно зато с тобой да весело. Так мне и одной не грустно!

Ой, как весело с тобой! Со скоморохами на ярмарке тоже весело, а они обо всём подряд даже над посторонними людьми не шутят. Веселятся люди, да замуж скоморохов что-то не берут. Иди шути вон над тем богатырём, да только если бегаешь быстро. Или шути над государем своим. Я слышала, он тот ещё шутник. Без благодарных плетей тебя не оставит!

Опа! Скачи, Заря, дальше. Уж слишком тут несерьёзно!

- Смотри, Заря. Опять молодец этот на черном коне! Давай, гони за ним! Да покажи, кого он обогнать вздумал. Чтоб место знал своё! Давай!

И снова гонка, и снова парень даже не видит их. Заря мчит как может. Пена изо рта, пена на боках. Но нет, не догнать его. Он как ветер. Только что был здесь, а сейчас его уже нет. Даже не разглядеть толком.

- Да и ладно, подруга моя. Ты молодец, ты самая быстрая. А он просто везунчик. Поедем подальше, чего нового увидим.

Поехали подальше. Через поля, через горы, через леса. И вышли к морю. Вот где свобода, вот где ветер в волосах да солнце на лице! Счастье-то какое, смотреть на это да чувствовать.

- Эх, благодать! Да не наша и не про нас. Сила и красота, да только пошла она подальше, Заря. Пускай болтаются там на волнах своих с гордым видом беспомощные, да только кроме воды и пространства тут и нет ничего. Ха-ха! Поскакали в ближний порт. Там богатого найдём, должны они быть там. Глянем, что за зверь. Не видели ещё.

- О, что смотришь, молодой человек? Никак замуж зовёшь? Я тут только богатых ищу. И ты богат? Да что-то незаметно по тебе, только по наглости твоей. Сейчас разбогател? Ишь ты быстрый какой. Играл что ли, да выиграл? Так ты через день опять бедным будешь, нос мне тут не задирай! Вот когда из темницы выйдешь, тогда найди меня и опять поговорим. Какой темницы? Так это ты в город к умному иди, он тебе всё объяснит.

- А ты, пузатый да старый, чего вылупился? Понравилась? А чем похвастаешься? Тут всё твоё? И баржи, и заводы, и поля? Это ты молодец. А бабы вон те не твои случайно? Молчишь, паразит такой. А ты кроме своих барж, заводов да полей дома бываешь? Редко да богато. Вот оно как. И всё будет у меня, что только не захочу. И работать не надо. А думать ты про них перестаёшь когда-нибудь, про заводы свои да по-

ля? Про себя да про деньги свои перестаёшь думать? Про меня думать будешь? Будешь. Да ты не на ноги мои смотри и грудь! Не тем местом думаешь! Тем местом вон к бабам иди!

Поскакали дальше, Заря, посмотрим место поспокойнее. Глядишь, там не такие вёртки будут.

Леса, поля. Поля, леса. Да вот край спокойный, степь да горы к ней примыкают. Ну, рай на земле. Глянем? А вон мужик, смотри, в кузнице куёт что-то. Дельный, наверное.

- Здоровья тебе, кузнец! Дело делаешь? А помощница по жизни не нужна тебе? Я, кто ж ещё. Чем похвастаешь? Всё умеешь да за всё берёшься. Молодец! А мне что с этого? Дома порядок и всё есть. Это хорошо. А я тебе зачем? Заботится будешь обо мне? Как я узнаю, что ты не врёшь, а будешь заботиться? Соседей спроси, сельского главу спроси, друзей спроси - обо всех заботишься, всем помогаешь? Любят тебя здесь, да? Хвалят всё время? И дом твой посмотреть? Хороший, завидный дом. Ладное всё, крепкое и надёжное. А хозяйство-то какое! Загляденье просто!

Что ты спрашиваешь? Тихая ли я да спокойная? Послушная ли я? Умею ли я порядок наводить? Готовить и за хозяйством следить? Умею, конечно. Но для тебя не буду! А не хочу! Ха-ха! Сам о себе заботься - ты только этим и занимаешься!

Йохо, Заря! Поскакали к дому. Скажем отцу, что не нашла

ничего, хоть весь мир и объехала. Да ладно, времени ещё - бесконечность. О, смотри, опять молодец на чёрном коне скачет! Гони, гони за ним, Заря!

Нет, не догнать его никак. Летит и не замечает опять ничего. Статный, красивый и неуловимый. Забаву разозлило это всё. Она и закричит:

- Стоять! Стоять, кому говорю! Стоять, а то тебе же хуже будет!

Парень затормозил коня, оглянулся на Забаву. Развернулся и подъехал поближе.

- Что надо тебе, красавица?

- А ты знаешь, кто мы такие?

- Первый раз вас вижу.

- Это я - Забава. А это лошадь моя - Заря. А знаешь, чем мы известны? Мы - самые быстрые на всём белом свете.

- Что-то я не заметил.

- Так ты удирал так, что диву даёшься. Почему удирал?

- Я вас не знаю. Да и не видел почти. Не по пути мне с вами. А что надо от меня, красавица?

- Ты зря так ухмыляешься, молодец. Женю тебя на себе сейчас. Надо мне.

- Самые быстрые, говоришь? Замуж хочешь? Свободу любишь? Поскачешь со мной, если надо? А где тут женят? Показывай дорогу.

Passage plan

Passage Plan.

Была тихая ясная ночь. Судно двигалось генеральным курсом на Канаду, оставляя небольшие кильватерные волны по корме, заставляющие трепетать лунную дорожку на воде. Ветер силой в несколько метров в секунду, практически нулевое волнение. Идеальная погода, отличная видимость, редкие облака в небе. Атлантика встречала необычайно ласково для конца лета. Долгосрочный прогноз обещал такую погоду до начала осени.

Он стоял на крыле мостика и смотрел вдаль.

Рейс: Роттердам - Галифакс. Две тысячи семьсот восемьдесят две морские мили. Сейчас судно вышло из Ла-Манша, осталось примерно две тысячи четыреста миль. Четыре тысячи пятьсот километров. Со скоростью в двенадцать с половиной узлов это расстояние покроеется за сто девяносто два часа. Восемь суток.

Стоя на крыле, он буквально засыпал, облокотившись на планширь. Нечеловеческая усталость брала свое, порождая слабость в ногах, тяжесть в веках, туман в голове. Уже нельзя вспомнить, когда он спал более четырех часов в сутки в последний раз. Время выспаться было, но всегда появлялись срочные задачи от капитана, которые не могли ждать

его пробуждения. Надо было делать здесь и сейчас. Он просыпался и делал. Потом шёл на вахту.

Не осталось никаких чувств, кроме ощущения странной отчужденности от мира, постоянного дискомфорта в сознании, подавленности, нежелания находиться здесь и сейчас. Улыбки на его лице не было уже более месяца, а давление на него со стороны вышестоящих росло с каждым днем. Нет, он не слабый. Он ни разу не пожаловался, не проклял тот миг, когда начался этот контракт.

Встряхнул головой, отгоняя сон. Достал из кармана телефон и прочитал последнее входящее сообщение от жены: "Тебя не видно и не слышно. Мы уже почти забыли про тебя." Убрал телефон обратно. Посмотрел на часы: два часа ночи, середина его вахты. Весь экипаж давно уже спит, и даже в машинном отделении нет сейчас ни души – полная автоматизация, без обязательной круглосуточной вахты в центральном посту управления.

Пора.

Человек проверил окружающую обстановку по радару, электронной картографии, автоматической идентификационной системе – вокруг ни души, ни единого суденышка на десятки миль. То, что надо. Заметил снос судна, видимо, вследствие течения, откорректировал курс на полтора градуса вправо на авторулевом. Записал координаты в судовой журнал. Про себя отметил тот положительный факт, что с разрешения капитана отключена Dead Man Alarm – сигнала

лизация, заставляющая вахтенного офицера через равные небольшие промежутки времени сбрасывать таймер нажатием кнопки, иначе сработает звуковой сигнал по судну, а в каюте капитана зазвонит телефон.

Выйдя снова на крыло мостика, он еще раз осмотрел все вокруг, убедился в том, что все в порядке и зашагал по наружным трапам вниз, проходя палубу за палубой. Выйдя на корму, зашел внутрь надстройки, и, пройдя несколько поворотов вдоль по коридору, зашел в свою каюту. Там, открыв выдвижной ящик под кроватью, достал из него стальной штырь в три миллиметра диаметром и в треть метра длиной. Скорее толстая, жесткая и негнущаяся проволока, чем штырь. Он нашел его в порту на причале, когда снимал осадки судна перед отходом. Зачем берёт штырь с собой, он тогда не понимал, но все равно сунул его за пазуху. С вешалки взял связку ключей, один из которых – мастер-ключ – подходил ко всем замкам на судне. Двери внутри надстройки никогда не закрывались, в том числе и в каюты экипажа, но ключ мог все равно пригодиться.

Человек прошел еще одной палубой ниже и зашел в машинное отделение, специально не надев защитные наушники, висевшие у входа. В уши ему ударил нестерпимый грохот работающих двигателей, и он невольно вжал голову в плечи. Постояв немного на месте, привыкая к шуму, он проследовал в токарную мастерскую. Там, включив наждачный круг, начал кропотливо обрабатывать свой штырь, заостряя его с

одного конца. Закончил грубую обработку, принялся орудовать маленьким напильником. В детстве его учили, что крючок на самолове должен быть настолько острым, что палец руки даже от самого легкого прикосновения к нему должен «прилипнуть». Именно такого состояния и хотел добиться человек.

Через пятнадцать минут он уже шлифовал острие на войлочном круге, от старания и напряжения прикусив нижнюю губу. Все делалось тщательно и качественно, прорабатывалась каждая мелочь, каждый заусенец и изъязнение непременно выравнивался. Он не умел работать по-другому.

В конце, опробовав напоследок остроту и удовлетворившись результатом, человек загнул другой конец штыря, сделав небольшую ручку. Получилось подобие лозы, с помощью которой ищут воду в пустыне. Именно то, что требовалось.

При выходе из машинного отделения он снял ботинки и дальше пошел в одних носках, бесшумно ступая по палубе. Подойдя к ближайшей двери, осторожно взялся за ручку и медленно повернул ее. Ни скрипа, ни шороха. Боцман работает на удивление хорошо, все на судне всегда смазано надлежащим образом, даже то, чего он может не касаться. Приоткрыв дверь, просунул сначала одну лишь голову, слушая звуки внутри и привыкая к темноте в каюте. Простояв некоторое время так, он все же зашел внутрь.

Это была каюта моториста.

Тот спал, лежа на спине и слегка приоткрыв рот. Лицо

немного оплыло, волосы взъерошены, одеяло скомкано в ногах. Человек неспешно прошел к кровати и сел, не издавая не звука, на тумбочку у изголовья, по-детски сдвинув колени вместе и положив на них руки, в одной из которых был зажат штырь. Наклонив голову, он смотрел на стену напротив, разглядывая подвесной календарь на ней несколько минут подряд. Наконец, с трудом оторвав от календаря взгляд, посмотрел на спящего моториста.

Вспомнил: именно моторист рассказывал, что надо сначала разбудить. Тогда не будет никакого шума. Так и решил поступить.

Держа за ручку, поднес штырь к ушной раковине спящего. Буквально положил острие внутрь уха. Моторист фыркнул во сне.

Взгляд на штырь.

Взгляд на лицо.

Свободной рукой слегка потрогал спящего и прошептал: «Проснись...».

Глаза заморгали и слегка приоткрылись.

Штырь плавно вошел в череп.

Моторист немного изогнулся, будто попытался встать «мостиком», и сразу же осел обратно. Тело обмякло, и из груди вырвался еле слышный то ли полувывдох, то ли полустон. Выдернул штырь обратно. Алая капля появилась на мочке. Больше ничего.

Никаких эмоций.

Закрыв приоткрытые глаза моториста рукой, человек встал и, не оглядываясь, вышел из каюты.

Методично и спокойно, неспешно он обходит все каюты на судне, одну за другой. Выходя из каждой, закрывает дверь на ключ и идет дальше. Последняя каюта, которую он посетил, была капитанская. Дверь каюты выходила прямо на трап, ведущий на мостик, поэтому он сразу же после того, как закрыл дверь, оказался на вахте, до конца которой осталось полчаса.

Он снова проверил все, как положено: радар, картографию, АИС, даже дежурные каналы на рациях УКВ и ПВ. Откорректировал курс, теперь лишь на градус влево. Занес координаты и данные о погоде в судовой журнал, поставил роспись о сдаче вахты. Удовлетворенно закрыл журнал и прилег на диван, стоявший в самом углу мостика. Практически сразу же заснул.

Судно продолжало свой рейс со средней скоростью в двенадцать с половиной узлов, неся в себе через Атлантику человека, пять тысяч тонн груза и одиннадцать еще теплых трупов, лежащих в своих постелях за закрытыми дверями кают.

Для него почти ничего не изменилось. Плавание продолжалось, и он, как обычно, стоял вахты, кропотливо и аккуратно вел судовой журнал, всю необходимую документацию. Продолжал делать корректуру карт и книг, проверки радио-

оборудования. Отправлял в головной офис ежедневные отчеты за капитана, просто перебивая их на компьютере, вставляя новые даты. Как всегда, в одиннадцать тридцать приходил в столовую на обед, а в шесть часов вечера – на ужин. Сидел один за длинным столом, и компанию ему составляли только одиннадцать пустующих стульев с высокими спинками. Ел консервы или полуфабрикаты, прибирался за собой, мыл посуду. В свободное время любил почитать что-нибудь легкое, расслабляющее. Иногда в кают-компании включал и смотрел какой-нибудь фильм, предпочитая комедии. Увидев смешной момент на экране, искренне и от души смеялся. Часто с удовольствием повторял вместе с телевизором свои любимые фразы из фильмов.

Но, как и прежде, практически все время отдавалось работе. К тому же приходилось в дополнение к своим основным обязанностям еще и следить за машинным отделением, в котором он мало что понимал. Единственное, что он умел делать – это качать топливо в расходную цистерну через сепаратор, откуда оно напрямую подавалось в двигатели. Месяц или чуть раньше он попросил показать порядок действий старшего механика, объясняя все простым любопытством и желанием узнать что-то новое в профессиональном плане. Механик с радостью согласился, к тому же он был любитель поучить кого-нибудь, а тут наконец-то нашелся благодарный слушатель.

На седьмой день глохнет один из двух главных двигателей,

но человек не обращает на это внимания и продолжает путь.

Для канадского лоцмана на первый взгляд все показалось обычным, как и на любом другом судне. Когда он поднялся на борт судна по лоцманскому трапу, покинув свой небольшой катерок, его встретил молодой помощник капитана приятной внешности и проводил на мостик по внешним трапам. Извинившись за временное отсутствие капитана – тот должен сейчас подойти, он отошел только что буквально на минуту – помощник предложил лоцману кружку кофе, но тот отказался и, в свойственной всем лоцманам деловой манере, предложил приступить сразу к делу: начать движение к причалу. Про себя же подумал, что вот такое точно в первый раз: лоцман поднимается на борт, а за штурвалом, судя по всему, никого в этот момент не было.

Шло время, а капитан все не появлялся. После требования стоять швартовной команде по местам, молодой человек с улыбкой возразил, что все уже давно готовы, но, к сожалению, с мостика их просто не видно. Тогда лоцман, начиная нервничать, потребовал капитана на мостик, причем немедленно. Помощник отвечал, что капитан очень занят и не может подняться в рубку, и предложил продолжить движение и начинать швартовку. Лоцман был шокирован таким ответом и заявил, что если сейчас не выполнят его требование, тогда он снимается с судна, отказывая ему в проводке. На это он получил в ответ лишь пожатие плечами и смущенную улыбку.

ку и заверение в том, что всё на самом деле готово.

Канадец вызвал по судовой радиации лоцманский катер, про себя подумав, что, скорее всего, весь экипаж просто мертвецки пьян, оставив отдуваться за всех этого приятного молодого человека.

Катер уже подходил к борту судна, и лоцман двинулся на выход к двери, ведущей к внутренним трапам и палубам. Серdito открыв ее, он стал быстро спускаться вниз. Не успев сделать и десяти шагов, он был буквально сметен невероятной силы смрадом. Запах гниения и смерти заставили лоцмана бежать со всех ног по мрачным пустым коридорам с закрытыми дверьми к выходу. При этом он страшно испугался, только подумав о том, что, возможно, сейчас за ним идет этот молодой человек, провожая его до трапа. Совершенно взмокший, лоцман выбежал на главную палубу, где увидел уже прижавшийся к борту катер.

Немного разочарованный, человек, стоя на мостике, проводил взглядом удаляющееся лоцманское судно. Подумав, он подошел к штурманскому столу и записал в журнале: «Pilot off».

Катер с надписью «Coast Guard» высадил шесть вооруженных мужчин в черной униформе на борт судна через полчаса. Полицейские ворвались на мостик с криками: «Freeze!», и скрутили его в считанные секунды. Он кричал им: «What's happened? There are no pirates on board! ». А люди уже вы-

бывали двери кают, забежали туда и вываливались сразу же обратно, сгибаясь напополам от тошноты и внезапной слабости, вторя друг другу эхом: «Oh, my God...»

Прошел уже год, как человек скитается по коридорам психиатрической лечебницы Монреаля. Ведет он себя очень прилично, даже в чем-то достойно. Никогда не повышает голос, всем старается улыбаться, постоянно ищет контакта с врачами, но с одной лишь целью: он уже год пытается всем объяснить, что стажа у него хватает на то, чтобы получить диплом старшего помощника капитана. Все стараются его избегать, но он упорно пытается доказать, что годен в плавсостав, что ему должны проставить медкомиссию, и тогда сможет опять работать. Сильно расстраивается, когда ему отвечают, что для моря он больше не подходит.

Часто можно видеть, как, сидя совершенно один на корточках в больничном коридоре, человек, обхватив руками затылок, глядя в пол слезящимися глазами, тихо повторяет: «Почему? Всегда весь отдавался работе. Это нечестно... я – хороший работник.»